

ЛОВЦЫ СУМЕРЕК

Мы привыкли считать, что память – наше главное оружие, которое всегда под рукой. Нам кажется, что помним, как заваривать кофе, как смотреть из окна, как любить и страдать. А потом наступает момент, когда ты неторопливо запускаешь пальцы в карман, чтобы извлечь театральный бинокль, – с его помощью ты собираешься разглядеть сквозь толщу времени хотя бы имя девушки или название улицы. Однако карман пуст, ты растерян и не уверен, правильно ли ты растерялся, поскольку забыл, какие действия сопряжены с этим чувством, как требуется всплеснуть руками или цокнуть языком, – и рядом нет никого, кто бы по-дружески подсказал.

Так и произошло.

Оглушенные шумом машин и хором внутренних голосов, жертвы мегаполиса метались по тротуару, отворачиваясь от хлопьев мокрого снега, порой сбивая друг друга с ног и срываясь на крик. Толкались, пихались, бодались, не смотря ни в набухшее свинцом небо, ни другим пешеходам в глаза, жалуясь на погоду и обстоятельства – кто в приятно светившиеся устройства, кто, сэкономив, просто себе под нос. Среди них был и я. Обувь моя прохудилась и жадно шамкала беззубыми ртами двух близнецов; да и не только обувь, вся жизнь как-то прохудилась – так же как и прочим, мне было зябко, страшно и одиноко среди бетонно-каменных нагромождений. Усталость же давала о себе знать более всего, отчего я отдался воле волн; убаюкав по пути, толпа, как всегда пунктуально, вынесла меня, ослабевшего, на перекресток, где следовало нырнуть в нору, ведущую к подземке. Но в тот раз я покачнулся и решился на шаг в сторону, напрямик в грязную жижу проезжей части, потому что некто выхватил меня из повседневного распорядка, помахав мне, именно мне. И я сделал этот шаг еще до того, как успел опознать силуэт, испугавшись, что бесновавшиеся вокруг тела вновь сомкнутся – и я так и не выясню, кто так весело пытался привлечь мое внимание.

За углом взвыла сирена, и сквозь нее долетели тревожные удары колокола; мимо двигался нескончаемый поток мятых, равнодушных лиц; я хлопал глазами, не понимая, а она, слишком красивая, слишком живая для этой inferнальной зимы, лучезарно мне улыбалась.

– Привет, – сказала она так буднично, будто с нашей последней встречи не прошло десятилетия или вроде того. – Ты помнишь?

И, чихнув, я вспомнил. Хотя искренне надеялся никогда не оглядываться назад.

Познакомились мы с ней давным-давно, в некотором царстве, в некотором государстве, с тех пор сменившем свое название уже несколько раз. В ту пору я выглядел совсем иначе, был тощим и высокомерным, двадцатидвухлетним выпускником академии архитектуры. Прежние сокурсники мне откровенно завидовали, считали баловнем судьбы: благодаря премии на международном конкурсе, моими талантами заинтересовались, и в итоге я получил визу для работы в одном из престижных бюро на Западе. Трепеща от волнения, профессор на защите диплома сжал мою руку и вполголоса проговорил: «Уезжайте! Разве не все мы иммигранты на этой планете?! Разве не каждый сбежал из утробы матери, чтобы познать иную жизнь?!» Так что, продав унаследованную квартиру и купив билет, я временно поселился со своим нехитрым багажом у родственников на пустовавшей даче, где в сладостном предвкушении принялся учить чуждый мне язык и отмечать в календаре дни и недели.

В то необратимое лето свет сочился сквозь мелкий модуль стекла и щекотал ноздри; я чихал (sic! – да, именно с таким звуком), в лучах танцевала пыль, время тянулось – и я легко отвлекался от самоучителя на дешевый алкоголь, с помощью которого растворял осадок после недавних отношений, и не менее дешевые, детективные романчики, судя по выжженным заглавиям, зачастую служившие здесь подставками под горячее. А за окном веранды, охваченной диким виноградом, приютился сад, совершенно заросший и неухоженный, при этом уютный и таинственный, словно джунгли Таможенника Руссо. Первое впечатление дезорганизации кустов, метровых сорняков и остальной растительности было обманчивым, здесь явно прослеживался некий замысел, возможно, впоследствии утраченный, но подтверждавшийся остатками древних цивилизаций: вон там из крапивы выступал каркас ржавой койки, тут покосился разбитый рукомойник с разбитым же, кое-как прилаженным зеркальцем, рядом в траве бесстыдно раскинула ноги полуистлевшая тряпичная кукла, а в дальнем углу, на финише протоптанной дорожки, возвышалась будка отхожего места.

Тот эдемский участок, зажатый в ряду других таких же, ознаменовал для меня переходный период, став нейтральной территорией между прошлым и будущим. Благодаря тому, что на даче отсутствовали телефон, телевизор и прочая связь с окружающим миром, она спрятала меня от ряда нерешенных вопросов. Поэтому в сумерках, когда в воздухе дрожал душистый зной, я, сродни хозяину дореволюционной усадьбы, наслаждался тишиной, если и прерывавшейся, то не на рекламные паузы, а на пение цикад и крики птиц. Впрочем, довольно скоро я начал подозревать, что за мной наблюдают.

Как-то, очнувшись в растянутом между деревьев гамаке, я обнаружил примостившийся на груди бумажный самолетик (помнится, я его даже развернул в надежде на послание). Как-то, чистя зубы перед рукомойником, я различил отчетливое сопение за спиной и, моментально обернувшись, успел заметить тень, мелькнувшую в щелях забора. Как-то, к полудню выбравшись с тахты, я понял, что утром во дворе были посторонние, – по протертой окружности в грязи окна, точно некто снаружи пытался меня как следует рассмотреть. В другой раз я возвращался из местного гастронома с авоськой, из которой кроме батона выглядывали лишь бутылки кагора, веселым перезвоном предавая мои намерения огласке; чуть ли не перевесившись через калитку, пышная барышня бальзаковского возраста провожала меня неодобрительным взглядом и вполголоса комментировала мои покупки (неужели самой себе?! ан нет, на самом деле – кому-то низкорослому, скрытому от меня). В тот же вечер, перебрав вина, я сам вел невнятный диалог с одной воображаемой собеседницей, объясняя, почему она дура, а позже, неловко привстав, рухнул прямо в траву – и услышал залиvistый смех с прилегавшего участка.

И вот однажды соседка застала меня врасплох прямо в дверях дачи:

– Здравствуй, мальчик, я Снежана.

Снежана была бывшей красавицей, расплывшейся от июльской жары, – в запахнутом шелковом кимоно, с волосами, ржавыми от хны, и восхитительным оттенком ногтей, приличествующим разве что лужам крови в комиксах.

– А про тебя справки я уже навела. Ты – архитектор. И тебе срочно надо побриться.

Вопреки нежной прохладе своего имени, действовала Снежана решительно и бесцеремонно. Отодвинув меня в сторону, она прошла внутрь и с легкой неприязненностью принялась исследовать мой приют: кивком оценила батарею

разноцветных бутылок, провела пальцем по пыльной полке, заглянула в пустой холодильник, понюхала обугленные останки в сковородке и напоследок, без колебаний сняв со стены календарь с полуобнаженной медсестрой, спрятала его в выдвижной ящик. Я же поступил так, как поступал всегда при столкновении с откровенной наглостью, – присел на краешек стула и почувствовал себя лишним.

– Глянь на себя: ты ж с голодухи на ногах еле держишься, скоро кошки начнут пропадать! – сурово подытожила она. – Тебя либо женить, либо кормить. Кормить – проще.

Как выяснилось, Снежана, будучи человеком большого сердца (то есть человеком, желающим устроить жизнь каждого, но не умеющим разбираться с проблемами собственными), была влюблена. К счастью, не в меня, а в очередного неудачника своей биографии, нестройного и безусого капитана выдуманного корабля. По причинам, которые оставлю на его совести, тот навещался на дачу в основном в будние дни, ни разу не задерживаясь на ночлег, и ее малолетняя дочь становилась в столь ценные часы очевидной помехой. А поскольку я редко и неохотно покидал свое убежище, то показался соседке идеальной кандидатурой, чтобы время от времени изображать гувернантку, скажем, за бесплатный полупансион.

– Соглашайся, мальчик, ты ж иначе долго не протянешь! А мне, как-никак, прошлой ночью приснилось, что ты мой младший брат. Думаю, это неспроста...

Конечно, это было неспроста. Едва я начал что-то мямлить об отсутствии опыта работы с детьми, на столе передо мной, как по волшебству, возникла кастрюля, содержимое которой пахло так аппетитно, что мой желудок поспешил громко ответить за меня.

– Машенька, иди сюда, познакомься с дядей-архитектором!

Из-за спины Снежаны появилась загорелая девчушка лет восьми – девяти (хотя определять возраст, как и, в принципе, отличать детей от прочей живности, я научился лишь впоследствии). В их сочетании – мощная рыжая мамаша и хрупкая белобрысая дочь – таилось что-то неправильное, будто молодой режиссер в погоне за яркими типажамы взял на роли родственников абсолютно непохожих людей, зато с одинаково серо-голубыми глазами.

– Вот этот дядя будет играть с тобой в разные познавательные игры. Правда, здорово?

Девочка, насмешливо ухмыляясь, сделала книксен. А я поперхнулся борщом.

Наша первая встреча прошла не самым лучшим образом. Оставшись наедине со мной, непоседливая Маша вскоре предложила поиграть в Тарзана. После чего, подскочив ко мне и укусив за предплечье, разочарованно объявила, что мой вопль далек от идеального исполнения боевого клича человека-обезьяны. Мне захотелось немедленно утопить ее в дождевой бочке, но нам суждено было подружиться.

Я выгодно отличался от вереницы ее предыдущих нянек: со мной можно было прыгать на взвизгивающих от удивления пружинах койки во дворе, горланить песни про осень и любовь, пускать огромные мыльные пузыри и уплетать конфеты, подаренные кавалером Снежаны. В заборе же за кустами обнаружилась дыра, через которую Маша стала часто шнырять между двух участков, навещая меня то с пирожками, то с кашей и котлетами, а то и с миской крупной, мокрой клубники, чье количество стремительно уменьшалось с каждым шарканьем стоптанных сандалий.

- Ты что, король?
- Кто, я?! Почему?
- Маша ткнула пальцем в синие реки моего бледного запястья:
- У тебя голубая кровь!
- А ведь верно, я ж король... – спрятал я, точно спохватившись, улики под рукавом.
- Знаешь, с годами такое легко забывается.
- Разве короли умеют показывать карточные фокусы?
- Только они и умеют. Карточные фокусы – это их основная специальность. Чем же им, беднягам, на троне еще заниматься?!
- А корона тогда где?
- На билет променял.
- Куда?
- В Монако.
- Вма-на-ку... А где билет?
- На вокзале сказали, что Вманака не существует. Нет Вманаки – нет билета.
- А потом?
- А вот потом...

Не знаю, насколько досуг со мной можно было расценивать как познавательный, но Маша, несомненно, была благодарна моим небылицам, начисто лишенным какой-либо морали (впрочем, в тот раз я еле дождался, когда Снежана позовет дочку обратно, чтобы броситься к чемодану и проверить, не растаял ли мой билет после такой неудачной шутки). А я был благодарен этому ребенку – уже за то, что нашлась причина окончательно забросить изучение неправильных глаголов и диалогов с невероятно бестолковыми продавцами.

– Представляешь, Кира, ну, та, из пятого номера, она вообще ни разу не видела радугу, только в лужах бензина! А ведь так не считается, правда?

Так и пронеслись те несколько недель. На пороге дачи мы осколком кирпича разбивали высушенные абрикосовые косточки и выедали ядра. Маша разрисовывала старые чертежи, населяя придуманные мною коробки принцессами и вампирами, и любила заснуть, уткнувшись макушкой мне в бок, свернувшись калачиком прямо на нагретых солнцем, деревянных ступеньках, – пока я читал ей вслух о том, как Гарри Плимpton, перезарядив револьвер, медленно подкрадывается к седовласому дворецкому, что склонился над склянками с зеленым эликсиром.

– А комары по утрам умирают, да?

В результате, я и сам не заметил, как наступил тот злополучный день. Просто-напросто, открыв выдвижной ящик, зачеркнул очередную дату под телом похотливой медработницы и со смущением выяснил, что отпуск подошел к концу. Я выглянул в окно и поежился: с отъездом на следующее утро должна была начаться моя взрослая, целиком и полностью другая жизнь. И пока я с растущим беспокойством осознавал этот факт, слой облаков прорезал одинокий луч, пущенный лишь затем, чтобы на мгновение озолотить сад, чтобы мне стало особенно тоскливо от мысли, что придется с ним расстаться – с ним и его пьянящими запахами, привычными неудобствами и назойливыми насекомыми, дремотной праздностью и безответственностью, а также со щедрой соседской семьей, которая еще ведать не ведала, что я намеревался уехать, возможно, навсегда... Ах, почему же то лето не могло быть вечным, как обещали поп-шлягеры, доносившиеся с окраин?!

– Ваше Величество! – прервал мои размышления детский фальцет. – К телефону!

В нашем переулке телефон был исключительно у Снежаны, отчего к ней часто захаживали позвонить, стараясь во время посещений с изумлением отмечать небывалый рост дочери и скрывать любопытство насчет любовника. Теперь же Маша вынесла, насколько позволял кабель, старый дисковый аппарат во двор и призывно размахивала трубкой над забором.

– Какая-то женщина, – хмуро пояснила она, когда я подошел со своей стороны ограждения и протянул руку.

Женщина? Сглотнув, я приложил все усилия, чтобы звучать независимо и как можно строже:

– Алло?

– Блин, сволочь, наконец-то тебя нашла! – раздался в трубке возмущенный голос. – Ты ж съехал, хорошо еще, что твои знали – куда! Сказали, вот, соседям позвонить... Что за дела, а?!

Это была Заря, красивая девушка с татарским разрезом глаз. В одной из моих тайных фантазий всё именно так и должно было произойти: стой, подожди, я была не права... Однако я всё равно оказался не готов, поэтому и зажмурился от переполнявших эмоций:

– А, привет. Что надо?

– Что надо?! Встретиться надо, вот что!

Кажется, мое лицо расплылось в самодовольной улыбке:

– Неужели?

Увы, она продолжала:

– У тебя ж мой ствол, а он мне нужен!

– А, ну да... Что ж, извини, ничего не получится.

– Почему?

– Я уезжаю.

– Куда?

Я открыл глаза и покосился на Машу. Та прислушивалась с прищуром, исполненным ревности.

– Страна есть такая – Вманака, вот туда.

– А... слушай, ну, мне плевать. Но ты должен его мне вернуть.

– Без проблем. Но в обмен на книги.

Я и сам толком не знал, зачем до сих пор хранил ее дурацкий пистолет. Маленький, черный, самозарядный, он вроде бы достался ей от бабушки; для нас же он был забавой – мы стреляли из него по бутылкам на склонах за городом, и после решающей ссоры Заря попросту забыла его в моей квартире. У меня был план бросить его перед отъездом в зловонную бездну дворового туалета – и виделось мне в этом ритуале нечто толкиенское. Но тут, в разговоре, я почуял шанс получить обратно свои книги, которые считал безнадежно утерянными, – две по архитектуре и сборник рассказов популярного тогда постмодерниста (в то время я еще верил, что бумажный формат информации будет актуален всегда и за редкие экземпляры стоило бороться).

– Книги? У меня их нет...

– Значит, и у меня ничего нет.

– Но ствол мне реально нужен! – упрямо повторила она.

- А мне нужны книги.
- Слушай... ну, слушай...

Заря в отчаянии подыскивала аргументы; не видя ее, я знал, что при этом она покусывала свои губы.

- Но он ведь даже не твой, так нечестно!
- А ты наверняка книги эти даже и не читала!

Сколько ее помню, она ничего не осиливала до конца и пролистывала страницы ради диалогов и иллюстраций, отчего ее понимание сюжета обычно имело мало общего с источником. Еще она ненавидела черно-белые фильмы, ужасно готовила, с легкостью влюблялась и с той же легкостью разочаровывалась в отношениях и случайных подработках, называя и то, и другое своими «проектами». Ночевала где попало, жила в долг, пропадала в поездках на море – и вечно ввязывалась в какие-то аферы, испытывая загадочную тягу к оккультно-эзотерическим практикам и соответствующим организациям.

То были смутные дни: после очередной смены политического строя в стране, где десятилетиями отрицали существование высших сил, внезапно, точно Вольтер на смертном одре, объявили, что ошибались. Одурев от предоставленного выбора, неподготовленный народ стал метаться из секты в секту – благо те посыпались градом, наперебой обещая спасение: самонареченные святые, дипломированные гуру, ясновидящие и посредники для контакта с пришельцами сменялись братствами очередных родственников Бога и орденами реинкарнированных тамплиеров. Все эти сообщества подкупали романтизмом и оригинальным попури из всевозможных философий и, по сути, отличались друг от друга разве что суммами взносов и продолжительностью деятельности... И если бы я знал, к чему приведет мое уязвленное самолюбие, то однозначно не настаивал бы на своем.

– Ладно, фиг с тобой, – сдалась, в конце концов, Заря. – Через два часа на прежнем месте.

Перегнувшись через забор, я положил трубку.

- Это ее звонка ты так ждал?

В ожидании ответа Маша склонила голову чуть набок. Я притворился, что не расслышал вопроса, но на редкость прозорливое дитя добавило, что у позвонившей был противный голос.

– Мария! – не сдержался я. – Не подскажите, когда у нас ближайшие гастроли Крысолова? С моими связями я бы мог достать контрамарку!

Оскорбительность сказанного Маша угадала лишь по интонации, а потому, хмыкнув, развернулась и гордо удалилась с телефоном на вытянутых руках.

Мне пришлось распотрошить содержимое чемодана, чтобы выудить лучшие джинсы и чистую рубашку. Как заправский шпион сунул я в карман плаща пистолет, в магазине которого – насмешкой над моей ситуацией – остался ровно один патрон, затем выпил чашку кофе и отправился на встречу.

Тяжелей всего уезжать из этого города летом, но родина была ко мне благосклонна, облачившись перед разлукой в пасмурную погоду. Из подворотен несло гарью; пыль и пух кружились над асфальтом, заклепывая нос и глаза; ветер заботливой обезьяньей мамашей ворошил волосы в поисках блох. Я шагал по улицам, рассматривая лепнину на домах, силуэты любопытствующих старух в окнах, колонны, платаны, предвыборные

плакаты на заборах и бездомных кошек, шалеющих от низких ласточкиных виражей, – рассматривал так, будто видел впервые, и старался убедить себя в том, что прощаюсь с ними. Между тем всё то, что я раньше так ненавидел, всё, что так отвратительно бодро сможет существовать без меня и дальше, в тот день меня почему-то забавляло.

Под «прежним местом» Заря подразумевала трамвайную остановку на другом краю города, где мы, пьяные и взмокшие после дикой ночи на дискотеке, познакомились и где назначали все последующие свидания. То, что книг у нее не было с собой и в помине, стало ясно уже за квартал, когда я увидел маячившую под навесом фигуру. Зарю легко было узнать по привычному сочетанию бейсболки и куртки цвета хаки со значками и нашивками. Еще издали я осознал, что, как прежде, помню запахи этой куртки и этой бейсболки, английский девиз на которой в прошлом считался смешным. А приблизившись, в растерянности отметил, что, пока мы не виделись, девушка как-то изменилась и осунулась.

– Привет.

– Да-да, привет-привет...

Она с трудом скрывала бегающий взгляд. Наркотики?

– Ты похудела.

– Зато ты поправился, – огрызнулась она. – Ты принес?

– А ты?

Татарский разрез ее красивых глаз превратился в злые щелочки. Я крепче сжал холодный металл в кармане, вообразив, что девушка вполне может наброситься на меня, чтобы получить желаемое. Но Заря положила ладонь мне на грудь и, ласково заглядывая в глаза, улыбнулась пересохшими губами:

– Слушай, ну, будь ангелом, отдай его мне, плиз, он ведь тебе совсем-совсем не нужен, ты всё равно уезжаешь, а для меня это память о бабушке...

Я был неумолим; признаться, даже упивался тем, что впервые с нашего знакомства о чем-то просила именно она. Ожидал брань, неистовство и ядовитые словечки – и оттого особенно смутился, когда Заря понуро пошла на мои условия. Так что на пути к месту, где, по ее словам, находились заветные книги, я игрался с мыслью о том, не стоило ли, на самом деле, взять да и вернуть пистолет – разумеется, наиболее красивым жестом с наиболее колким комментарием. Украдкой я посмотрел на нее: шагала рядом, как с посторонним, то озираясь по сторонам, то сверяясь с часами. В итоге, для красивого жеста не хватило решимости, для комментария – остроумия. Поэтому мы молча двигались дальше, дорога затягивалась, начало моросить. Очутившись в незнакомом мне районе, мы свернули с дороги в направлении акаций, пролезли между прутьев погнутого забора – и Заря взмахнула рукой точно усталый фокусник:

– Это здесь.

Мы стояли перед заброшенным строением то ли разорившейся фабрики, то ли дворца культуры – с кирпичными стенами, исписанными неумелыми и весьма агрессивными граффити, и каймой битых окон высоко под крышей. Все опознавательные знаки были давно сорваны, а выдававшуюся нам навстречу входную пристройку завершала стальная, иссиня-черная дверь, тропинка к которой заросла бурьяном. И если тоскливого антуража кому-либо было недостаточно, то для особо упорных искателей приключений на видном месте красовалась табличка «Внимание! Аварийное здание!

Проход запрещен!»), каждым своим восклицательным знаком усиливающая желание повернуть назад.

Зная эксцентричность своей бывшей, я полагал, что был готов ко всему, но ошибался.

– Последние недели там жила, так что книги внутри, – пояснила она, извлекая из кармана ключ с синей ленточкой на ушке. – Постараюсь быстро.

Тем не менее она по-прежнему стояла на месте и нерешительно теребила ленточку в руке. Коротко, почти робко оглянулась на меня, словно ожидала, что я ее остановлю.

– Просто войду и заберу свои вещи. Да.

Последнее было сказано не мне – она явно убеждала саму себя.

– Что-то не так? – осведомился я.

– Всё не так, – вздохнула Заря. – Жизнь не так. Ты не так. Вот всё как-то не задалось.

После чего она провернула ключ в замочной скважине и за ключ же потянула тяжелую, на пружине дверь на себя, на которой напрочь отсутствовала ручка или хоть что-нибудь, за что можно было бы ухватиться. Я шагнул за девушкой, но она остановила меня удивленным взглядом.

– Тебе туда нельзя, здесь подожди, – холодно заявила она.

– Тут же дождь!

– А мне всё равно, – пожалала Заря плечами и юркнула в зияющую темноту, молниеносно затворив за собой.

Крайне раздосадованный, я только и успел, что подметить сверкнувшее в глубине слово «УМЕР» (кто? когда?), а рокот после громыхнувшей двери еще какое-то время висел в воздухе.

Ожидание посреди руин ушедшей эпохи было не просто томительным, оно казалось нелепым и возмутительным. Вдобавок вечерело, да и дождь пустился сильнее; засуетившись подобно щенку, оставленному перед магазином, я поднял воротник плаща – и несколько обжигающих ледяных капель тотчас скатились мне за шиворот. На мои энергичные удары в дверь никто не отзывался, и у меня даже мелькнуло опасение, что прогулка к этому месту вполне могла быть своеобразной мезью. Заманить и бросить или, скорее, бесхитростно забыть о моем существовании – это было как раз в духе Зари. А самой уж, небось, и след простыл.

С одного бока пристройки, на высоте около двух с половиной метров, обнаружился провал узкого окна. И если бы здание не выглядело таким заброшенным, я, безусловно, в жизни не решился бы на тот хулиганский поступок. Могу лишь предположить, что отчасти хотел удивить девушку, в последний раз вызвать усмешку, – если она, например, всё же притаилась за дверью, коварно наблюдая за мной через замочную скважину. Во всяком случае, мне кажется это единственным логичным объяснением, почему я вдруг, странно ухмыляясь, подтащил к стене бесхозное ржавое ведро и, взобравшись на него, вцепился в подоконник. Ведро подо мной незамедлительно хрустнуло и смялось как картонное, но в последнюю секунду я всё-таки умудрился, отчаянно шаркая ботинками, подтянуться и нырнуть в проем. И до того, как, кувыркнувшись, больно рухнул на пол по другую сторону, я услышал глухой одиночный лягз и почувствовал легкость в кармане. Пистолет! Он выскользнул в ходе моего акробатического номера и валялся сейчас где-то снаружи! Я сокрушенно застонал – идиот! – и, отряхиваясь, поднялся на ноги.

Внутри пристройки было гулко, и каждый шорох, каждый шаг отзывались взволнованным эхом, дыша прямо в ухо; повсеместные стружки, обрывки и битый кафель покрывал тонкий слой извести – свет же поступал, в основном, из окна, через которое я проник сюда, а также от тусклой, лежавшей в углу лампочки, чей безвольный шнур змеей уходил в стену. Когда мои глаза привыкли к освещению, я смог, наконец, разобрать надпись «ООО ЛОВЦЫ СУМЕРЕК» (так вот кто умер...). Затем проявилось всё остальное: бледное, прежде грозное наставление на обшарпанной стене гласило: «Соблюдай», окончание же фразы скрывала массивная вывеска «ООО ЛОВЦЫ СУМЕРЕК», причем именно что без кавычек и сплошь заглавными буквами, словно речь шла не об организации с ограниченной ответственностью, а о восхищенно-протяжном восклицании или, может, эротическом слове. Дальнейший проход в здание сразу под вывеской был зашторен куском темного бархата; рядом, на невысокой стойке, находилась плоская медная чаша – в ней, окруженный узором из дворцов и колесниц, возвышался курган из множества одинаковых ключей, точно таких же, что я видел у Зари, и все с такими же ленточками цвета незабудки.

Совокупность этих, несомненно, очень странных деталей посреди грязи и запустения вызвала у меня недобрые предчувствия – в особенности учитывая то, что девушка якобы провела здесь несколько недель. Но спохватившись, что какие-нибудь чумазые дети могут между тем подобрать оружие, я поспешил к выходу и выяснил, что стальная дверь и с тыльной стороны не имела какой-либо ручки и отказывалась меня выпускать. Повинуясь чутью, я выудил из чаши один из ключей, и – о, чудо! – он подошел, азартно щелкнув замком. Вполголоса бранясь, я выбежал под дождь, позволив двери мигом ахнуть за моей спиной; к счастью, пистолет успел несильно намокнуть в траве, так что я наспех вытер его рукавом, спрятал обратно в карман и, снова воспользовавшись ключом, вернулся внутрь.

– Приветствую!

Вздрагнув от неожиданности, я чуть было не уронил платок, которым утирал лицо, – как выяснилось, теперь в камерке я был не один. Некто, небольшого роста и неопределенного возраста, в махровом лиловом халате, будто едва покинул ванну, восседал на табурете, на который я, по-видимому, до этого не обратил внимания, и вежливо мне улыбался. Его идеально лысая, лоснящаяся от испарины голова блестела в тени до того неестественно и неприлично, что ее невольно хотелось чем-либо прикрыть, а в руках он держал книгу, обложка которой была аккуратно завернута в газету.

– Здравствуйте, – осторожно ответил я – и мой собственный голос, совершив круг почета по помещению, тихо, заикаясь, поздоровался со мной.

Округлый незнакомец пригляделся к ключу в моей руке, кивнул двойным подбородком в направлении стойки и, тут же потеряв ко мне всякий интерес, углубился в чтение. Решив, что мне таким образом намекают на возврат чужого имущества, я неуверенно проследовал к чаше и положил ключ к остальным. Однако что делать дальше, я положительно не знал. Что-то удерживало меня от того, чтобы спросить насчет своей знакомой или вообще отправиться вглубь здания на ее поиски. Что-то во всей этой обстановке было не так, что-то одновременно глупое, неприятное и зловещее. Как бы то ни было, продолжать стоять, задумчиво покачиваясь взад-вперед, в мои планы тоже не входило – слишком много вопросов возникло у меня; к тому же, полное бездействие

могло вызвать подозрение. Помявшись, я не придумал ничего лучше, чем поинтересоваться:

– Извините, а почему «ловцы сумерек»?

На меня озадаченно уставились.

– Название, ну, организации, – пояснил я.

– А, – зевнул человек, – это же очевидно: слово «сумерек» происходит от шумерского «суом-йе-рейк», то есть, сумма-суммарум, имярек, а имя у реки одно – Лета, «забвение», пограничная зона, где ловцы становятся пловцами, истцами, творцами, Вы следите за ходом моих мыслей?

Я уклончиво хмыкнул, а он рассмеялся:

– Шучу-шучу! Я полностью разделяю Ваше недоумение – это бесспорно не лучший вариант перевода. По аналогии с индейскими «дримкэтчерами», то есть «ловцами снов», следовало, конечно же, именоваться не иначе как «ловцами сновидца». Но после некоторых обсуждений мы пришли к выводу, что это банально и откровенно, вдобавок скверно звучит по-русски. И, как Вы знаете, мы и вправду собираемся в основном в сумерках, что многим видится отличной метафорой, мол, эта тонкая, мерцающая грань между ночью и днем, явью и сном...

– Всё еще не совсем понимаю, – честно признался я.

– Неофит? – нахмурившись, спросил незнакомец и, спешно закрыв книгу, уже внимательно, даже несколько встревоженно, окинул меня взглядом с головы до пят.

Я посмотрел на часы. Заря явно не торопилась, а прозвучавшее понятие «неофит» подтверждало мои опасения, что она в который раз куда-то впуталась. Но, по меньшей мере, здесь было сухо – и в ожидании девушки можно было развлечь себя беседой с яйцеголовым чудачком, немного подыграв:

– Да, новообращенный, так сказать, разве что на встречи еще не ходил. Вообще хотелось бы побольше информации. Может, у Вас есть брошюрки?

Тут незнакомец окончательным образом развеселился:

– Про брошюрки это Вы хорошо, смешно, да, надо запомнить! То есть, раз ключ получили, то взнос заплатили, но не понимаете – куда и за что?

– Да, вот как-то так вышло, – с наигранным легкомыслием подтвердил я его догадку. – Всё случилось, знаете ли, довольно впопыхах...

Он бросил неодобрительный взгляд на бархатный занавес, процедив: «Понабежали... дилетанты... им бы лишь...», и с вымученной улыбкой продавца вновь обратился ко мне:

– Вас, видимо, привлек главный тезис учения, что жизнь есть сон, не так ли?

Я закашлялся и счел, что сталкиваться с подобным цирком мне еще не приходилось.

– Да-да, вот именно он и привлек. Жизнь, сон, все дела.

– Естественно! – обрадованно подхватил собеседник. – Эта мысль, она же не случайно так близка и понятна – поскольку каждый из нас хотя бы раз допускал ее, согласитесь, пуще всего с утра, спросонья, когда с одной стороны Вы усмехаетесь хороводу несуразностей, продемонстрированных за портьерами закрытых век, а с другой – Вас преследует щемящее чувство неразгаданной тайны. Так почему же так?! А потому что истина, она, так или иначе, найдет путь, чтобы достучаться до наших сердец! С этой

целью она и отражается в смутно мелькнувшем допущении, в пошлой рифме, разговоре попутчиков, псевдонаучных теориях и религиозных концепциях...

Он рассуждал мечтательно, полуприкрыв веки, одной рукой прижимая книгу к животу, а другой вырисовывая в воздухе кренделя. И уже в следующее мгновение пугливо подскочил, захлопотал, когда, впустив свет и суматошный шум ливня, настезь распахнулась дверь – и в проеме возникла грузная женщина средних лет с рыхлым, багровым лицом. Перешагнув порог, она возмущенно постучала зонтом о дверную раму и чуть попрыгала на месте, стряхивая с себя непогоду.

– Bonsoir, madame! – всплеснул руками незнакомец.

В своем стеганом лапсердаке цвета спелого баклажана, женщина смотрелась карикатурной продавщицей из овощного и оттого неуловимо знакомой; вперевалочку, зажав зонт подмышкой, с саквояжем в руке, она прошла внутрь и величественным жестом бросила свой ключ в чашу. А мой собеседник уже смешно семенил к ней и, склонившись, почтительно целовал протянутую руку:

– Comment ça va?

Только сейчас я сообразил, что словоохотливый незнакомец вовсе не из жеманности слегка растягивал гласные, с излишним старанием проговаривая все согласные, – он говорил с некоторым акцентом, происхождение которого мне было сложно определить. А стереотипным представлениям о французах он не соответствовал.

– Très bien, merci, – прокуренным голосом просипела новоприбывшая, на миг обнажив золотой зуб. – Toute cette pluie me fatigue!

Почувствовав себя героем исторического романа, я на всякий случай деловито добавил:

– Авек плезир.

Парочка досадливо уставилась на меня; особенно «продавщица» вытаращилась так, словно я действительно вмешался в хорошо отрепетированную пьесу. Деликатно кашлянув, загадочный иностранец принял ее зонт и, приподняв портьеру, легким поклоном проводил гостью внутрь, после чего вернулся ко мне и моему просвещению:

– Итак, сударь мой, надеюсь, Вы понимаете, что вселенная не может быть самопроизведенной, ей нужна причина? Первооснова! Архэ! Толчок! Доказать или опровергнуть это утверждение не представляется возможным. Просто поверьте. Однако треть жизни мы спим, нашу лучшую треть, – так не это ли является той самой подсказкой для понимания устройства мира?! Еще древние египтяне предугадывали изнанку бытия, говоря о том, что сны созданы, дабы «показать путь спящему, глаза которого во тьме». Каково, а? Сильный образ! А как часто Вы, отказываясь принимать некие бытовые обстоятельства, называете их «бредом»?

– Бывает, – согласился я.

– А если я скажу Вам, что в такие моменты Вашими устами глаголет истина?! – воскликнул он, ткнув зонтом мне в грудь, а книгу, точно факел, воздев над головой. – Ведь что же еще может являться субстратом как не бред?! Бред! Только так и никак иначе! Вот и получается, что жизнь суть сон, суть есть жуть – и так далее, и тому подобное... Да-да, это нужно прямо-таки осознать, осознать и почувствовать, потом приходят вера и понимание. Так что лишь ленивые невежи ждут знаков извне – знаки внутри нас!..

Ничего оригинального в утверждениях незнакомца не было, нечто похожее я уже читал – и неоднократно. Все мы спим и снямся друг другу. Заманчивая гипотеза. Хотя почему бы и нет? Я всегда искренне считал, что каждый волен верить в то, во что пожелает. Я, вот, например, верил, что Заря скоро появится из-за занавеса, вернет мне книги, возможно, проводит до дачи и – кто знает? – даже сменит гнев на милость тем неприхотливым образом, каким покоряла многих мужчин. Но был вынужден отвлечься от своих мечтаний, когда в потоке красноречия уловил следующее:

– ... нет, напротив, мы вовсе не досадная ошибка эволюции, но ошибка – да, что поделать, изначально мы сбой программы, ретрансляционная помеха, нечаянно сложившаяся в портрет! Сотканы из зыбкого марева чужого сна, мы вынуждены влечить свое существование, полагая, что после воскресенья наступит...

– Чужого? – заинтригованно переспросил я. – То есть, мы снямся кому-то другому?

– Ах, *mon ami*, иначе и быть не может! – укоризненно покачал головой незнакомец (мне не следовало его перебивать). – Снялся ему одному, сновидцу, бродящему среди нас наподобие туриста. Но турист он иного рода – от его взора произрастают колоннады и расцветают росписи сикстинских капелл там, где до этого были меон, шуньята и тишина. Он, коли угодно, катализатор алхимической реакции, творческая, движущая протосила, дающая происхождение нашему космосу со всеми его явлениями. Один он такой, один-единешенек, и наряду с тем он один из нас, вернее, считает себя таковым. Дело в том, что, погрязнув в чувственных наслаждениях, сновидец отождествляет себя с окружающим иллюзорным миром, а потому живет среди нас, работает, мучается, как и все, получая зарплату, влюбляясь и жалуясь на протекающую крышу. При этом даже не подозревает, что спит, спит и не знает, что отличается от прочих элементов своего сна, – так же как и большинство из нас ведать не ведает, кто мы и чему обязаны. Так и сосуществуем-с, такой вот занятный парадокс!

Отстранившись, собеседник выдержал театральную паузу, чтобы насладиться произведенным эффектом. Я не стал его разочаровывать и восхищенно цокнул языком.

– А теперь признайтесь: постижение этого фарса разом всё изумительно объясняет, не так ли?! Все эти эмоции и революции, все эти экзамены, кенгуру, северные сияния, геморрой и йогурты – чересчур абсурдно, чтобы быть правдой! Достаточно оглянуться и абстрагироваться, чтобы постичь: нас окружает бред. Дичь, туфта, фантазмагория, узаконенная вздорными объяснениями вымышленных ученых! Само собой, такое чудовищное в своей простоте открытие может свести с ума кого угодно: у-тю-тю, караул, дамы визжат, дети писаются...

Несмотря на то, что этот несчастный однозначно нес ахиною, мне, как человеку вполне рациональному, стало любопытно если не уличить, то хотя бы разобраться с системой его мировоззрения:

– Позвольте, позвольте! – возразил я, невольно заразившись своеобразным слогом.

– А как же миллионы лет нашей истории? Коль сновидец этот столь преклонного возраста, то, самое позднее, в последние месяцы его должны были начать терзать смутные сомнения...

– Миллионы лет, говорите? – насмешливо переспросил собеседник. – У вас крайне примитивные представления о времени. Вы всё еще мыслите линейными конструкциями, полагаясь на то, что память Ваша принадлежит исключительно Вам и то, что Вы помните, реально... Впрочем, не отчаивайтесь, это, к сожалению, типичный подход! Задумайтесь:

любители опиума или, скажем, страдающие от бессонницы, шизофрении и других отклонений могут убежденно рассказать презанятнейшие вещи о прошлом, которое ежеле и имело место быть, то уж точно не таким образом и, что ни говорите, без соития с розовыми единорогами. Скажете: их подвела память? А почему Вы так уверены, что она не подводит Вас? Кто дал Вам право так считать? Общество?! – фыркнул он. – Просто потому, что Ваши с ним воспоминания якобы в чем-то схожи? Посредством нехитрых психологических трюков я Вам в два счета смоделирую новые воспоминания – да так, что и отличить не сможете! Внушить Вам и, во избежание сомнений, всем остальным, что на днях Вы совершили преступление, которое отродясь не совершали, или что в детстве Вас, допустим, укусила няня. Вас кусала когда-нибудь няня? Нет? А где тот сертификат, что подтвердит достоверность Ваших воспоминаний? И я говорю не о клочке бумаги и прочих псевдодоказательствах вроде фотоальбомов и показаний свидетелей – ибо всё это обман чувств, да-с, не более того! Если мы так успешно воссоздаем объекты в наших сновидениях, на чьей территории мы верим в их осязаемость, так почему те же объекты, воспринимаемые нами в так называемом «наяву», не могут быть такой же идеей ощущения, тем же порождением воображения, правда, на этот раз чужого?! Кроме ощущений и сознания, нам же ничего не доступно непосредственно! Это применимо и к пониманию прошедшего времени в целом. Открывая книгу о Винни-Пухе, Вы смиренно соглашаетесь с тем, что дружба его с Пятачком и Кристофером Робинем существовала задолго до первой строчки, до первого упоминания, ввиду того, что Вас в этом убеждают авторитетным тоном (хотя Вы и отдаете себе отчет в том, что экзистенция данных героев ограничена количеством страниц). Так и в остальном: Вас всего-навсего заставили считать себя частью истории, плазмы свершившегося и грядущего. Вы такими приснились – с подсознательным ощущением груза судьбы и каким-то муравьиным поиском предназначения. И как только Вы усвоите, что ни истории, ни времени нет, всё быстро станет на свои места. Ни предков, ни кармы, ни сладких воспоминаний детства, никакого неудачного сексуального опыта. Имеет значение сугубо то, что происходит с Вами здесь и сейчас! Да-да, я вижу смущение в Вашем лице. Оно и понятно...

Заметив, что я стал чересчур старательно отводить глаза, он отложил зонт и неспешно поправил поясok начавшего, было, расходиться халата.

– Поговорим лучше о том виде искусства, с которым сталкиваемся еженощно, – о снах. Они, замечу, есть главное знамение, служащее напоминанием нам и подражанием истинному сновидцу! Неведомые силы в Вашем сновидении вдруг – без стука, без предупреждения – являют жену Вашу и детей, ничуть не знакомых Вам в Вашей «объективной реальности», но там, во сне, подразумевающих долгую предысторию отношений. И Вы, ничтоже сумняшеся, принимаете их как данность, с открытым сердцем, и охотно погружаетесь в игру со всеми ее условиями и условностями. Мало того: даже напрягаетесь, пытаетесь припомнить, когда же у младшенького день рождения – в марте или всё же в январе! Страшно? Страшно. И ведь подсказок таких тьма, слишком много для заурядных совпадений, мы же все это чувствуем...

В те минуты я чувствовал лишь то, что в сплетенье слов и снов постепенно терял нить разговора, отчего дремотно моргал, не просто подняв брови, а закрепив их на такой высоте, чтобы возникло впечатление моего неусыпного внимания, – навык, подчерпнутый на лекциях в академии. Пока я краем уха вслушивался в звуки снаружи, чтобы выяснить,

утих ли дождь, мое отстраненное настроение, видимо, настолько бросилось в глаза, что экстравагантный философ взмахнул книгой перед самым моим носом:

– Я сейчас специально указываю на традиционные заблуждения, чтобы подвести Вас к одному из главных вопросов нашего учения: кто же мы? Опять-таки, если знания можно сфальсифицировать, если на память нельзя положиться, то что же, собственно говоря, представляет собой наша личность? Что в остатке? А я скажу – что! Ограниченные потусторонней и весьма скудоумной фантазией, все мы – лишь проекция сновидца, подделки-суррогаты наподобие умосозерцательных, платоновских идей, но, как аристотелевские вещи, имеем форму и состоим из некоей материи. Все ошибались – и все отчасти были правы. Только что это за первоматерия? Вот тот ребус, который нам еще предстоит разгадать! А ответы следует искать отнюдь не с помощью лживого, бесчувственного рационализма. Ибо это – тупик, ибо мир – не представление и воля, как считал Шопенгауэр, а наваждение и рабство. Сонмище беспокойных духов, маленькими, бестелесными ручонками хватающихся за свои знания-воспоминания, которые не что иное, как – как? Как у нас по-французски будет «воспоминание»?

Я уже даже и не пытался сделать вид, будто собираюсь ответить на один из его вопросов; нетерпеливый собеседник отвечал себе сам:

– Правильно, *souvenir*! Словом, все эти воспоминания Ваши – не более чем горстка цветных безделушек, магнитики с изображением городов, в которых Вы, на самом деле, сроду не бывали. Или, коли желаете, некий контент, черточки и завитушки, охватывающие страницы книг, не существовавших еще мгновение назад, до того, как приснились сновидцу. Как раз в процессе эманации нас и пронизывает идеей одной общей на всех, мировой истории вкупе с полным пакетом эмпирических данных и другой чепухой (хотя, судя по всему, с разной силой, в зависимости от прозрачности конкретного субъекта). Следовательно, оглядываясь назад, мы не можем быть абсолютно уверены в том, где находится исходная точка. Как долго эта вселенная имитирует самостоятельное бодрствование – сто веков, сто недель, сто секунд? Кто знает! Быть может, даже этот диалог лишен закономерного начала – и мы возникли из чистого небытия на полуслове, при этом нам были наспех, *post factum*, пририсованы ретроспективы как усы певице на обложке журнала. И вот так же на полуслове мы в один прекрасный момент замрем, и ничего не было ни до того, ни после, и сопровождающие нас субстанции сформировались, как и мы, не более чем на этот отрезок, протяженность которого измерить мы не в силах...

Он обвел грязные стены таким печальным взором, словно ожидал, что здание провалится в тартарары прямо сейчас.

– Возвращаясь к Вашему вопросу о возрасте сновидца (хотя успели ли Вы его задать? или нам только так думается?). Мы же ничего не знаем о его естестве, едва ли можем догадываться, строить теории, всматриваясь в самих себя как в его смазанные копии, – каков он в своей, базовой реальности? И какова она, его реальность? Действуют ли там законы термодинамики или хотя бы юриспруденции? Приснилось ли ему, что он в этом мире родился и с тех пор неосознанно ждет пробуждения? Или он явился уже десяти- или пятидесятилетним в очереди за колбасой или, *von mir aus*, в постели со жгучей красавицей, смутно напоминающей его подлинную соседку? А, может, он глубокий старик, и космос наш – предсмертный бред, делирий человека, бьющегося в агонии и с ужасом отказывающегося понимать, кто все эти гипнагогические твари и почему они окружили его? Да-да-да, предположениям нашим не было конца, и пришлось проделать

долгий путь, чтобы проверить каждую зацепку! Большая, изнурительная работа – все эти переезды из страны в страну, наблюдения, апробации, ах, чего мы только не пережили! Утешала лишь мысль, что всё это понарошку, чей-то сон, а сияние великой, великолепной миссии упорно вело нас к цели... Должно быть, оттого так непринужденно и откровенничаю с Вами, практически перепрыгивая шесть ступеней познания...

Запнувшись, он удостоверился, что за портьерой никого нет, и, вновь приблизившись ко мне, сообщил доверительным шепотом:

– У меня хорошее предчувствие, не знаю, не спрашивайте, чем оно обосновано, назовем это «интуицией»! Но может так случиться, что шесть ступеней Вам вовсе и не понадобятся...

Любой другой на моем месте, наверно, обрадовался бы такому везению. Меня же эта фраза отчего-то смутила:

– Вы это в каком смысле?

– Мы же, как истинная массовка, – опять повысил голос собеседник, отбежав назад и упоенно продолжив свою мысль, – блуждаем в сумерках разума ради интеракции со сновидцем, а иногда и просто ради занятного анекдота или фонового шума. Сколько материков, народов, сколько видов облаков и хвойных деревьев было создано лишь затем, чтобы в школе он забивал себе голову труднопроизносимыми названиями?! Что ж, *c'est la vie, so ist der Traum*: изначальное наше предназначение – это иллюзия живого организма вселенной. А драматургическая необходимость в разнообразии сделала призраков индивидуумами, легкомысленно наделив нас сознанием, свободной волей и, главное, воображением. Подойдите к любому из статистов – каждый суть деятельное существо или, если угодно, дух, душа, сформированная некими формулами мироздания. У них у всех наготове легенда, хоть и слепленная из нескольких расплывчатых и пестрых фрагментов, букв и цифр...

На улице стремительно темнело; из-за бывшего снизу, под дых, света лампочки, тень, отбрасываемая от собеседника на заднюю стену, выглядела внушительной, еще более корпулентной пародией – двигалась из стороны в сторону, явственно кривляясь и передразнивая каждый жест своего сумасбродного хозяина, порой грозно нависая над ним, подобно кукловоду над марионеткой, чтобы потом вмиг отскочить в угол и притвориться безобидным двухмерным силуэтом. Под ботинками хрустело наследие былых времен, от особо несдержанных пританцовываний вздымались небольшие буранчики извести, а воздух сотрясали экзотические слова и образы, плохо сочетавшиеся друг с другом. Чувствовалось, что слушатель моему непрошеному наставнику был вовсе не обязателен: он всё говорил, говорил, будто бы проверял самого себя, насколько хорошо выучил урок, а я, переминаясь с ноги на ногу, даже пожалел, что окончил не философское отделение и потому был не в состоянии вступить в достойную дискуссию. Абстрактные концепции всегда вызывали у меня оторопь, поэтому стены в моем восприятии оставались стенами, стул – стулом, а дождь – мокрым. Кроме того, я понимал, что кудрявые и корявые монологи незнакомца изобиловали противоречиями, учитывая хотя бы то обстоятельство, что, отрицая прошлое, он сыпал отсылками к общим знаниям и, отрицая рациональное, упомянул вполне реальные взносы. А еще я с тоской размышлял о том, что только я способен провести последние сутки на родине таким нелепым образом – ненужным разговором посреди заброшенного здания, в стенах которого, стало быть, скрывались последователи очередного безумного культа.

– Ну, это так, сокращенное изложение эмоционального индивида, – кокетливо подытожил «ловец сумерек», обратив взор свой ввысь и, похоже, ожидая благодарственные рукоплескания. – Ведь сегодня я всего-навсего привратник, мне еще далеко до профессионального вейкапера!

– Вейкапера? – переспросил я и тут же догадался сам: – А, от английского «wake up»? То есть – будитель? Будильник? Разбуженник?

– Странно, – недовольно поморщился он, – как минимум с вейкаперами Вы должны были познакомиться в ходе инициации! Разве...

– Ой, да у меня ужасная память на всякое такое! – стал я, было, оправдываться. – К тому же, произошло ли это на самом деле?! Инициация, взносы, ключ... Или я образовался из небытия в ту самую секунду, когда открыл эту дверь?

Не знаю, заметил ли привратник мой отвлекающий маневр, но объяснение его вполне устроило:

– Вот видите, топ ами! – осклабился он. – Малейшее умственное усилие – и приходит прозрение! Приятный такой холодок в затылке, Вы не находите? Что же касается роли вейкаперов, то один поэт из наших рядов написал замечательный гимн – под заголовком «Антиколыбельная». Жаль, толком не успели еще разучить, но припев там примерно такой: «Мы спим и видим, чтобы ты проснулся! Так спи скорей, другим нужна подушка...» Далее что-то про сломанную погремушку, не помню точно, а «спи скорей» – это еще и аллюзия на фазу быстрого сна...

Он пожевал губами, явно собираясь затронуть неприятную ему тему:

– Видите ли, есть тут среди нас адепты, утверждающие, что возникновение нашего движения и наше же стремление разбудить сновидца – это части сложной, причинно-следственной схемы. Мы, дескать, хотим это сделать, потому что можем, а можем мы это сделать, потому что нам позволено самим сновидцем, ерго, нам суждено это сделать, мол, это наше предназначение, мы такими приснились, всё взаимосвязано – и что должно произойти, произойдет, и прочая, и прочая, что снабжает наши действия метафизической легитимностью... Это толкование сводит ловцов к функции стоп-крана в сновидении. Признаться, такой подход не просто навевает тоску – он противен! Да, не побоюсь этих слов, противен и ужасен. Я же сторонник классической теории, по которой сновидец лишен осмысленного знания, что наш веселый муравейник можно контролировать, прибегнув, скажем, к технике осознанного сна. Иначе парил бы он, глумясь, над нами в небесах и переписывал бы законы физики каждый час – уж такого сверхчеловека мы бы все знали лично! А значит, в этой осведомленности и есть наше преимущество, превосходство, воспользовавшись которым, мы сможем перетянуть одеяло на себя!..

Тут привратник зачастил, проглатывая окончания слов и бурно жестикулируя; его буквально стало трясти в восторженном исступлении:

– И если мы сможем разбудить его на своих условиях до того, как он проснется сам, по естественным причинам (например, по нужде), то власть над этим измерением раз и навсегда перейдет в наши руки! У нас получится сохранить зыбкую структуру этого универсума, переродившись заново, должно быть, в совсем иную форму, став абсолютно самостоятельными хозяевами над тем веществом, из которого созданы! Понимаете? Разве Вам самому не надоело быть цитатой чего-то большего?! Чего-то и в самом деле значительного?! Вот задача – преодолеть ограниченность собственного бытия и достичь постчеловеческой стадии развития! Прочь из мира борьбы и страданий, прочь из

круговорота возникновения и уничтожения! Да, согласен, не все пока еще понимают, что мы, бунтари, хотим лишь спасти всех – от самих себя и тупика, в котором находимся. Мы же уроды и симулякры, исчерпаны, как постмодернизм, погрязли в вариациях и заблуждениях. Но, разбудив сновидца, мы разбудим человечество в вечность! И вот тогда, после квантового скачка, нам откроются немислимые, запредельные возможности, мы будем сами моделировать новое пространство и новое время, перепридумав первозамысел на свой лад! Приговор вынесен, прошлого нет, пока нет, но будущее за нами!..

От этой пафосной патоки я чуть не прыснул – мировое господство, что ж еще! – однако, заметив, как на виске возбужденного привратника вздулась жилка, слегка забеспокоился за его самочувствие и свою безопасность. Чтобы сбить накал беседы, я поинтересовался как можно более умиротворяющим тоном, как бы вскользь:

– Ну да, ну да, это-то всё ясно и понятно, а, вот, насчет сновидца... если он действительно неотличим от других, то как же его тогда отыскать?

– О, сам поиск – это, конечно же, крайне увлекательный процесс! – и впрямь утихомирившись, чуть ли не причмокивая от удовольствия, протянул собеседник. – Помимо элементарных астрологических вычислений, тут как в сказке – есть три признака. Во-первых, в своих поступках и решениях сновидец вечно пытается уйти от «судьбы», разными способами, как ему думается, сбежать от «реальности». Так проявляется его подсознательный страх перед фактом, что жизнь есть сон и скоро ему предстоит проснуться. Из этого следует «во-вторых»: ему неловко среди людей – он испытывает странное, стойкое чувство вины по отношению к окружающим, поскольку на интуитивном уровне догадывается о неестественной природе их происхождения, о том, что несет ответственность за всех и каждого. И самый важный – это третий, пожалуй, самый очевидный и самый конкретный признак, потому что, в конце концов, в-третьих... в-третьих...

Внезапно из-за портьеры раздался далекий, грозный тембр гонга.

– Ага! – вскричал привратник, подняв кверху указательный палец. – Нам пора.

Подпрыгивая от нетерпения, он тотчас же ринулся к проходу. Сперва я поколебался, не испытывая особого желания присоединиться к каким-либо коллективным заклинаниям; однако обреченно рассудил, что Заря могла находиться только там, а, значит, имело смысл рискнуть, идти дальше, чтобы поскорее покончить с затянувшимся недоразумением.

– Идемте, идемте! – манил чудаковатый иностранец за собой, приподняв занавес и оставив на табурете книгу, которая поспешно, павлиньим хвостом, распушила страницы и вновь захлопнулась, скрыв на миг мелькнувшие иллюстрации. Через несколько шагов я оглянулся на нее, что-то почудилось мне знакомым, но, списав всё на дежавю, я проследовал внутрь – и погрузился в беспросветную тьму.

Мы шли по длинному проходу, дыша влажным и тяжелым воздухом; света здесь не было вовсе, так что своего спутника я не видел, но слышал:

– Отоприте, отоприте же скорей! – цитировал он неизвестные мне строки, и по его голосу, виляющему то вправо, то влево, было слышно, как счастливо он при этом улыбается. – Ожидаются большие празднества! Ах, как скрежещут замки и засовы...

Вокруг было так темно, что мне подумалось, что идем мы вовсе не по коридору, а, петляя, по огромному залу, что мы заблудились, потому что идти так долго по прямой, не наткнувшись сослепу на стены или неведомую мебель, было бы невозможно; я раскинул

руки – и вот растопыренные пальцы чиркнули о шершавые и холодные стены, я дернулся и успокоился. И вскоре уже слышались шум голосов и приглушенный смех, гонг ухнул во второй раз, после чего скрипнула открывшаяся перед нами дверь – и навстречу дрожащему свету я шагнул за проводником.

– Добро пожаловать в колыбель человечества!

Невзирая на весь мой скепсис, от вида представшего зрелища меня охватила тревога; думаю, лишь робость и еще, быть может, нездоровое любопытство помешали мне сию же минуту выбежать наружу. Первым делом мой взгляд уперся в мозаичный герб не существующего более государства и чуть ниже надпись «На мелкой части вниз головой не нырять». Так и раскрылся секрет обители «ловцов»: мы находились в здании заброшенного бассейна. Громадное, выложенное бледно-голубым кафелем помещение освещалось пламенем множества свечей, расставленных вокруг безводного резервуара по бортику, на тумбочках и обходных дорожках, поскольку сквозь стеклянный потолок свет более не проникал. Люди, стоявшие прямо в окаймленном колоннадой бассейне, – а было их больше сотни, мужчины и женщины, разных возрастов, опрятно, обыденно, даже с подчеркнутой простотой, одетые, точно встретились в очереди за дефицитом, а не ради мистических ритуалов, – все как один разом повернулись к нам, умолкнув. Мое сердце ёкнуло; испытывая физическую дурноту, я близоруко всматривался в них, силясь найти знакомое лицо и убедить себя в том, что это настоящие люди, а не наваждение. Мимоходом, выключив стоявший за колонной магнитофон, из которого как раз звучал третий удар гонга, привратник успокаивающе помахал собравшимся – и те вернулись к своим разговорам.

– Ловцы становятся пловцами, – подмигнул мне спутник и, сбросив шлепанцы, указал на гору обуви у края бортика.

Выяснилось, что жидкость в бассейне всё же присутствовала – мутная, по цвету напоминавшее море на каракулях Маши, примерно по колено, отчего участники сомнительной вечеринки стояли в ней босиком. Безвольным сомнамбулой снял я обувь и носки и, подвернув штаны, стал спускаться по скользкой лестнице вслед за привратником. И когда мои пятки окунулись в загадочную субстанцию, та оказалась теплой и вязкой, пахнувшей чем-то мятным, вызвавшим легкое головокружение.

– Раньше столько народу бывало, что доходило аж до груди... иные барахтались здесь, захлебывались – смех да и только! – благо спасательные круги всегда под рукой...

Так как привратник и сам был низкорослым, полы его халата с ходу разошлись по поверхности в стороны; мой же плащ остался нетронутым. С трудом ворочая ногами в глухо булькающем, словно нарочно замедлявшем движения киселе, с мыслью о том, что, главное, не споткнуться и не упасть лицом в эту лазурную дрянь, мы добрались до остальных, и, озираясь, осторожно лавируя, я стал первым пробираться сквозь ряды людей, покачивающихся как камыш над водой. Чем дальше, тем всё меньше нравилось мне это мероприятие, и мне не терпелось разыскать Зарю, схватить ее за руку и волоком, пускай и против ее воли, вытащить отсюда.

– Ах-ах, скоро всё выяснится, – не отставал спутник, – скоро всё переменится...

Будучи чужаком, пришельцем, я старался хотя бы внешне излучать доброжелательное спокойствие и на отдельные непонятные мне приветствия отвечал невнятной тарабарщиной. Воздух, пропитанный горячим воском и испарениями тягучей субстанции, струился и дрожал; я же с постепенно растущим беспокойством скользил от

группки к группке – под молниями перекрестных взоров и улыбок, между взопревшими женщинами и мужчинами, пышными и статными, сонными и безразличными, мимо многочисленных широкоплечих недружелюбных парней с жучиными глазами и хмельных девушек, заплетающимся языком что-то формулирующих. Одни за другими выплывали на меня лица с нездоровым румянцем и блестящими лбами – светлые, смуглые, темные – кто-то, не отрываясь от беседы, снисходительно склабился, кто-то прятал взгляд – блондинки, шатенки – некоторых короткостриженных брюнеток приходилось трогать за плечо, чтобы они недоуменно обернулись, и я, убедившись в очередной ошибке, двигался дальше. При этом в достаточно шумливой атмосфере царило некоторое напряжение – те реплики, что я ухватывал по пути, создавали впечатление неловкости гостей, вынужденных, томясь в предвкушении ужина, натужно, вперемежку, рассуждать о сущих пустяках: о репортаже в местной бульварной газете, в который всё равно никто не поверит, о последних изобретениях, которые могли бы изменить облик человечества, и о ближайших выборах, которые не изменят ничего.

– А пора бы уже, пора! – дребезжал сухощавый старичок, отдаленно похожий на моего профессора, и, качаясь, в отчаянии хватал себя за седые редкие кудри. – Ведь всё только хуже становится, дальше некуда, всё рассыпается... я уже чую смрад гниения... You know what I'm talking about, don't you?

– Todos estamos aterrorizados, – качнувшись вместе с ним, сокрушенно вторила парочка юных и востроносых близняшек. – Todo empeorará...

Представители разных поколений, национальностей, сословий, профессий – пожалуй, единственное, что их всех объединяло, так это цвет определенных аксессуаров: у каждого из собравшихся что-то свое – будь то лента или галстук, будь то брошь, авторучка в нагрудном кармане или подтяжки – непременно одного из оттенков синего. Индиговый, лиловый, бирюзовый – если я всё же не сошел с ума и это имело смысл, то, вычислив этот признак, не был уверен, радоваться мне или плакать в связи с тем, что на встречу с Зарей надел именно темно-синие джинсы. Тем не менее, не заметив в поведении людей ничего ненормального или противозаконного, в отсутствии балахонов с пентаграммами и прочих оккультных атрибутов, я лелеял тихую надежду, что речь всё-таки шла о некоем международном философском клубе или художественном перформансе.

– Меня, знаете ли, одно волнует, – зазвучал приторный голос у самого моего уха. – Вспомнит ли сновидец после пробуждения свой сон, всех нас?..

Обернувшись, я в замешательстве обнаружил, что привратник тем временем избавился от своего халата и шел за мной уже нагишом, совершенно невозмутимо демонстрируя все интимные складки и округлости своего тела; при этом никто из присутствовавших должным образом на этот факт не реагировал – ни возмущались и ни хихикали, да мне и самому было не до того. На тот момент, завершив круг, я успел тайком заглянуть в лица всем и каждому, и мне стало нестерпимо жутко от мысли, что Зари здесь нет, что ее здесь и не было, она давным-давно сбежала через черный ход, а я, растяпа, дал увлечь себя в этот дурдом! И пока привратник, придвинувшись, взирая на меня снизу вверх своими бесцветными глазами, положил мне, оцепеневшему, одну руку на бедро, а второй, дотянувшись, с нежной грустью погладил по щеке – резко смолкли праздные разговоры, и по рядам прокатился восхищенный гул:

– Сновидец! Сновидец... look up! Elle est là!

Меня тут же отпустили, оставили в покое, поскольку все присутствовавшие, оживившись и запрокинув головы, с вожделием стали показывать ввысь – туда, где на краю платформы для прыжков, нависавшей над бассейном в метрах десяти, появилась женская фигура в сахарно-белой ночной рубашке до пят. Я не поверил своим глазам.

– Это же... она... – только и сумел я выдать из себя.

– Вы разве сексист? – с подозрением покосился на меня голый сосед. – Почему сновидец не может быть женского пола?! По крайней мере, в нашем измерении...

Со своей высоты Заря вряд ли могла усмотреть меня в скоплении людей. Однако я достаточно хорошо знал ее актерские таланты, чтобы различить, что ужас в ее глазах и дрожь были вовсе не наигранными. Это был ни розыгрыш, ни представление, и девушка явно находилась в состоянии шока. Я и сам еле сдержал переполнявший меня крик, хотя если бы он и вырвался – то что это были бы за слова?! В жизни нас учат всякому, среди прочего, как пользоваться столовыми приборами или как на международном конкурсе выдавать чужие идеи за свои, но ни за что – как поступать в ситуации, когда ты со дна бассейна наблюдаешь за жертвоприношением своей бывшей.

– В последние годы круг всё сужался, – перешел спутник на торопливый шепот. – Перебирали одних за другими, чувствовали, что уже очень близко, – и действовать, действовать требовалась же крайне аккуратно, чтобы не спугнуть! Ведь сколько ошибок было совершено, скольких зря разбудили! Предыдущий был, к примеру, ее школьным учителем, старый развратник, а в итоге...

Пока она тряслась и тарасилась прямо перед собой, пока я судорожно обдумывал происходящее, из сумрака позади нас выделилась та дама с багровым лицом, которую незадолго до этого с благоговением встречал привратник. На ее появление зрители дружно заулыбались, закивали головами как попугайчики, кто-то нервный даже захлопал в ладоши – и на него тотчас зашикали. «Вейкапер», – мелькнуло у меня в голове. Энергично, в медицинском халате, шла она по верхнему уровню вдоль бассейна к вышке – мимо нас, мимо свечей, брезгливо переступая через полуистлевшие канаты и спасательные круги (лишь в этом облачении узнал я в ней медсестру – не ту, обольстительную, с календаря, а настоящую, вечно недовольную, из поликлиники, куда я униженно часто бегал за освобождением от физкультуры). Между тем тень женщины-вейкапера повторила тот же трюк, что и до этого с привратником, расползшись по стене исполинским страшилищем без четких очертаний, зато со многими, зловеще извивающимися щупальцами, и в повисшей, электрической тишине толпа стала единым целым, переводя взгляд с Зари на даму и с дамы на Зарю, пульсируя в унисон с разносящимся по залу, гипнотическим цокотом каблуков. Изредка исчезая за колоннами, женщина торжественно несла в руках поднос, на котором позванивали таинственные склянки и инструменты, – с моего ракурса я, увы, не мог разглядеть их лучше, но у меня не было никаких сомнений, что промедление грозило скверными последствиями.

– С этой барышней даже курьезно вышло-с! – шелестел на ухо привратник. – У нее и имя-то неслучайно...

Отодвинувшись от его липкого тела, ощущая тошнотворную, бултыхающуюся в горле панику, я начал медленно отступать к краю бассейна. Как это бывает в особо благоприятных снах, никто в моем направлении не смотрел, все были слишком зачарованы церемонией пробуждения, стали раскачиваться влево-вправо-взад-вперед и мычать нечто нестройное-непристойное, быть может, «антиколыбельную», кто с

благоговейным страхом, кто с детским восторгом, – а я пятился, продолжал пятиться, невыносимо долго, не зная, сработает ли мой спонтанный план. По пути меня кто-то крепко схватил за рукав, к счастью, просто от переизбытка эмоций, не спуская глаз с медсестры, опасаясь что-либо пропустить, так что я мягко отвел его руку от себя. И мой смятенный мозг, видимо, уже одолевали галлюцинации, потому как субстанция под ногами будто бы зашевелилась и, еще больше стусившись, стала нагреваться, пошла мелкой дрожью; так что я решил в ней не задерживаться и, упершись наконец спиной в стенку, проворно вскарабкался по лестнице обратно на бортик. Там, поскользнувшись на мокром полу, сперва пошатнулся и обнял колонну – после чего смог встать твердо, извлек из кармана пистолет и, развернувшись лицом к скоплению людей, выстрелил в потолок.

Всё сразу пришло в движение: посыпалось лопнувшее стекло, хлынула накопившаяся на крыше, грязная дождевая вода вперемешку с пожухшими листьями, и мигом погасла часть свечей. Заря, отпрянув назад, едва удержалась на платформе; привратник, закрыв лицо, истошно заверещал; у женщины рядом с ним подкосились колени, отчего она ушла в синеву с головой, – и сотни рук потянулись ко мне.

– Всем назад! – рявкнул я с перехваченной от волнения глоткой.

Позже, когда мы с девушкой кубарем вынеслись на улицу, сумерки, как и дождь, разумеется, давно миновали, и наступила кромешная ночь. В возбуждении я по-прежнему размахивал перед собой пистолетом, теперь уже бесполезным, но сослужившим отличную службу как пугач, а Заря, точно диск, метнула подальше блюдо, плюющееся во все стороны искрами ключей. В захлопнувшуюся за нами дверь барабанили и царапались, за ней стенали, выли и выкрикивали угрозы, и было ясно, что еще немного – и «ловцы» найдут способ вырваться наружу. Пока Заря подтягивала и закрепляла край ночнушки, я накинул на ее худые плечи свой плащ; мы переглянулись и, не сговариваясь, всё еще босиком, пустились наутек. Вовремя! – уже проскользнув, ликуя, сквозь спасительную лазейку в заборе, мы услышали, как за нашими спинами дверь буквально взорвалась – и окрестности огласились криками и яростными приказами на разных языках.

То бок о бок, то обгоняя друг друга, мы, взмокшие, мчались по гулким пустынным улицам прочь, впотьмах, наугад, перелезли ограждение, свернули за угол, потом еще и еще, направо, налево, по газонам и через колючие кусты, дальше, дальше, избегая света фонарей и лихорадочно импровизируя на ходу. Я больше не узнавал свой город: величественная архитектура в отсутствие солнца упростилась донельзя, болезненно опухла и превратилась в столпотворение нескладных построек, преграждавших путь. Накренившись, исказившись, пьяные многоэтажки наплевали на порядок и, все в черных кляксах после дождя, сгрудившись по бокам, позади нас, перед и над нами, даже снизу зыряка из луж, заставляли нас кружиться, торжествуя всякий раз, если мы залетали в тупик. Тут-то они и содрогались от беззвучного хохота, дребезжа стеклами в окнах, из сумрачных углов на нас дышало тухлятиной, мы неслись дальше, дальше, метлой из подворотни махнул злой бородатый дворник, дальше с одного из балконов раздались свист и улюлюканье. Но не только страх подгонял нас – голоса и грохот шагов неотрывно следовали по пятам.

Когда расстояние между нами и ними стало сокращаться, один из боковых закоулков неожиданно наполнился ядовито-синим светом, в котором, шустро перепрыгивая с дома на дом, завертелась карусель теней. Обрадовавшись полицейской мигалке, я открыл, было, рот, чтобы звать на помощь; Заря же, обнаружив, что я отстал,

обернулась, перепугано замотала головой и, бросившись ко мне, вжала палец мне в губы, тем самым заставив замолчать. Я ничего не понимал, но она отчаянно тащила меня за собой под арку, в переулок, через площадь, хоть куда-нибудь, всё равно куда, прочь от неутомимой погони; они были сзади и со всех сторон, видимо, разделившись на группы, вследствие чего их сутулые, колыхающиеся от бешенства фигуры иногда мелькали в отражении витрин и в просветах между домами. Они бежали, мы бежали, она бежала, и я бежал – грязными, в синих разводах, ногами – и, миновав очередной поворот, мы с Зарей разом устали. В глазах и груди колело, тело ныло и отказывалось повиноваться. Задышавшись, спотыкаясь, мы из последних сил рванули вбок и спрятались за деревьями вдоль аллеи, прильнув и не просто скорчившись, а зажмурились всем телом. И пока переводили дух, бульвар загремел строевым шагом наших преследователей. Беспредельный, непрошенный ужас! – по мокрой брусчатке гнались они молча, трое или четверо, ровно и целеустремленно, даже слишком синхронно, словно многоногая тварь. Не видя их, мы с холодеющим сердцем, не шелохнувшись, слушали их нарастающее, набухающее приближение – вот-вот они заглянут за дерево, вот-вот поймут! И тогда конец! Так что мы не сразу поверили своей удаче, когда топот так же быстро и уверенно стал удаляться, затихая, – и волна невероятного облегчения накрыла нас. Можно было жить дальше, можно было вновь дышать полной грудью...

Обессиленный, в счастливом изнеможении, я отклонился назад и начал всматриваться в проявляющиеся детали окружающего мира. Осталось загадкой, каким образом добрались мы до этих мест, но то были те самые склоны, где в свое время мы с Зарей, влюбленные, развлекались стрельбой по бутылкам. Перед нами во мгле расстилался невидимый город; различить можно было лишь отдельные очертания новостроек, молочный шлейф из фабричной трубы да тускло мерцающие красные и золотые огоньки. Эхо донесло мерный перестук проносащихся поездов, повеяло какой-то осенней прохладой, а я подумал о том, что было бы действительно глупо сдохнуть сейчас, на обочине дороги, когда меня ждут в далеком белоснежном офисе с кофемашиной и кондиционером. От этой мысли слегка зазнобило, и из моей груди вырвался не то сдавленный кашель, не то нервный смешок.

– Ты чего? – отстранилась Заря.

Я посмотрел на нее, но в сложившихся обстоятельствах – что я мог ей сказать?!

– Это сон?

Девушку передернуло. Она рывком отобрала у меня из руки пистолет и им же показала на следы позади меня, расплывающиеся алым в лужах и силою случайности оставшиеся для преследователей незамеченными: по дороге я всё же умудрился рассечь пятку, которая теперь кровоточила – довольно сильно для бестелесного духа.

– Всё, разбежались, – сухо отрезала она. – Каждый сам за себя, так больше шансов. Прощай!

И Заря скрылась во тьме – бледным, босым призраком в ночной рубашке и моем плаще.

– Книжки можешь не возвращать! – только и успел я крикнуть ей вслед.

Перевязав ногу платком, я долго плутал в душной путанице районов, прихрамывая, шарахаясь от необычных звуков и прячась от прохожих и бродячих собак (среди прочего померещилось, что погоня возобновилась, но то с воплями догоняли троллейбус), и чудом вернулся на дачу без особых приключений.

Вопреки логике верилось, что на территории сада я уже был в безопасности, отчего не стал заходить в дом, промыл рану под ручномойником и, подкошенный слабостью, навзничь рухнул на застонавшую койку прямо под бесплодной яблоней. Мне было муторно, меня колотил озноб – и едва стоило закрыть горячие веки, как вблизи послышался явственный шорох. Пронизанный молниеносным испугом, я подскочил на месте.

– У тебя ноги бабушками пахнут, – уведомила Маша. – Ты где был?

Я уставился на угрюмого ребенка и попытался собраться с мыслями.

– Ты что тут делаешь?!

Маша присела на краешек койки и нарочито громко вздохнула:

– Там к мамке капитан приехал. Вроде как навсегда, я не совсем поняла. Ну, вот они и празднуют, что он от своей фуры свалил...

– Фурии, – машинально поправил я.

– А что это?

– Демон. Кажется, с крыльями...

– Фу, – отозвалась Маша. – Гадость какая. Ну, вот мамка меня к тебе и послала, чтобы я тут переночевала. А тебя не было, а возвращаться не хотелось. Так я у тебя на веранде поигралась, правда, вазу какую-то разбила, но это же ничего, да? Ты не обидишься? Мне было скучно, пока я тебя ждала. Мне и сейчас скучно. Давай играть, ладно? Или нет, лучше расскажи мне что-нибудь, какую-нибудь нестрашную смешилку.

Завидуя ее безмятежному возрасту, я опустил обратно на койку:

– Извини, я просто не в состоянии...

– Ты грустный? – спросила она. – Ты грустный. Почему? Разве что-то случилось? Не грусти, всё будет хорошо...

Я не ответил. Я лежал и смотрел в звездное небо, думая о своем. Но девочку мой отрешенный вид остановить не мог – она принялась тормозить меня, уговаривая поиграть:

– Давай, ну, чего же ты? Я тебя так ждала! Можешь даже тупо лежать, ты будешь заколдованная принцесса, ладно? А я твой прекрасный принц. Давай, закрывай глаза...

– Я так полежу, с открытыми...

– Нормальные принцессы так не спят!

– Значит, я ненормальная принцесса, – вяло улыбнулся я.

Маша ненадолго задумалась, поступаясь со своими принципами, еще раз вздохнула и затараторила:

– Ладно, так и быть: ты ненормальная принцесса, спишь, значит, с открытыми глазами, а я скачу к тебе на своем верном Мирамисе...

Пока она искала в кустах палку, которая заменила бы ей скакуна, и после с гиканьем прыгала вокруг меня, на ходу сочиняя подробности своего путешествия, – я лежал, беспомощный и уязвимый, и тщетно силился понять, зачем случился со мной этот мучительный вечер, полный, однако же, удивительных совпадений. Каким образом Заря угодила к этим субъектам? Наблюдала ли уже за подобными обрядами по другую сторону, из публики? Почему так покорно пошла сегодня внутрь, если догадывалась об угрозе? Догадывалась же, в какой-то момент должна была предположить подобное развитие событий – иначе зачем ей так срочно потребовался пистолет?! И самое главное – насколько всё плохо? Безусловно, ее нельзя было вот так, без внятных объяснений,

отпускать... Хотя могла ли она что-либо объяснить? Что она знала? «Так больше шансов» – сказала она. Шансов на что? Насколько сильно следовало теперь бояться за свою жизнь? Как долго бежать?

– Бабах! Дракон повержен! Ура-ура – и пошла я потом в замок и там, на третьем этаже, нашла судьбу свою. И чтобы спасти тебя и всё королевство в придачу...

Девочка внезапно остановилась у изголовья и стала наклоняться ко мне. Собрав губы трубочкой и громко сопя, она собиралась поцеловать меня как покойника в лоб, так что я, сглотнув, притормозил ее рукой и смущенно прохрипел:

– Так, Заря, знаешь, я думаю, тебе всё же...

– Меня вообще-то Машей зовут, – сказала она и, обидчиво поведя плечом, ушла домой.

Так ни с кем и не попрощавшись, я не дождался утра и сбежал, бросив хозяйские ключи в почтовый ящик. Опасаясь обратиться в соляной столп, зажав билет в потной руке, я продирался сквозь продавцов беляшей и галдящих теток с сумками и самозабвенно ругался с проводницей. Отдышаться я смог уже в вагонном купе, где мгновенно забылся беспокойным сном в надежде обнулить жизнь; хотелось верить, что морок, вкупе с предрассветным туманом, рассеется. Однако спустя время, очнувшись, я узнал из разговора попутчиков, что ночью в растворившемся вдаль городе дотла – несмотря на предшествовавший дождь – сгорело старое здание бассейна, ведется расследование, в поджоге подозревают бездомных, до чего страну довели, ай-яй-яй, вот и постельное белье влажное... После чего годы посыпались горохом, забарабанили по крышам поездов, вокзалов, такси, номеров в отелях и съемных квартир – и по некоторым признакам я знал, что никогда не вернусь туда, откуда начал свой путь.

Тем не менее, приспособиться к стремительным изменениям было трудно.

Прямых доказательств у меня нет, и рассуждения мои звучат сбивчиво и несуразно, но видится мне, что безысходный хаос, свидетелями которого мы стали в последние годы, образовался с той поры, когда люди прекратили доверять своей памяти, доверившись техническим достижениям. Было ли это последствием подрывной деятельности «ловцов», да и продолжала ли та секта свое существование? Не знаю, не искал, не интересовался – хотя отчетливо помню (или притворяюсь, что помню), что раньше мы заботливо хранили в голове номера телефонов и дни рождения друзей, профиль и движение руки первой любви, скрип половицы в коридоре и запах фломастеров. А по утрам искренне удивлялись своим снам, нам еще что-то снилось! – и воспоминания эти были с нами, частью нас, формируя наши поведение и предпочтения. Но постепенно, погрузившись в поток образовавшегося вокруг информационного шума, относились мы к ним с всё большей небрежностью, даже безразличностью, не желая тревожить мозг, всякий раз судорожно выхватывая новейшее устройство, чтобы запечатлеть событие еще до самого осознания этого события – да и то, не для самих себя, именно что для других, будто бы по необходимости обозначить таким способом факт своего присутствия; поэтому переводили увиденное, но не прочувствованное, в цифровой формат – и никогда больше к этому мгновению не возвращались. Уже ленились читать толстые книги, ненавидели длинные предложения и с истерической нетерпеливостью вопрошали различные сервисы, что делать, если мучает икота и если надоел супруг, и как звали того актера в том фильме, что расплылся в памяти мутным пятном. Поначалу это казалось безобидным, но разве не кратчайший фокус внимания на сиюминутных впечатлениях и удовольствиях, разве не

растущая жажда заполнять внутреннюю недостаточность всем, что под руку попадется, привели к утрате радости и бессмыслице? К тому массовому помешательству, что наотрез отказывается поддаваться достойному описанию, рассыпаясь на отдельные бессвязные примеры? Словно нас каким-то образом заставили усомниться в собственном здравомыслии – и все всерьез приняли себя за побочные эффекты чужого кошмара, а потому безответственно, с легкостью, отказались от своего прошлого и тем самым от самих себя, обрубив родственные и оставив только деловые связи, при первой же возможности сбегая в любые искусственные иллюзии и практически перестав думать о вечном... или так было всегда? Теперь уже сложно утверждать наверняка, всё тяжелее охватить мысленным взором всю картину целиком; во всяком случае, многие предметы сошли со своих мест и перепутались, а катастрофы, назначенные на последующие несколько веков, вдруг поставили на быструю перемотку.

Новый, бешеный ритм жизни, в котором люди перестали что-либо успевать, окончательно свел всех с ума, и никто больше не знал, где право, где лево и стоит ли смотреть вверх в надежде на спасение. Мы стали совершать чудовищные по масштабам ошибки, забыв о последствиях подобных поступков в истории, и мир затрещал по швам. Одна за другой по планете вспыхивали войны, которые более не велись на абстрактном поле битвы где-то там, – сперва они зародились в ослабевших от комфорта умах, а затем стремглав растеклись по электронной сети, изначально призванной объединять. Обострив противоречия до максимума, повсеместная агрессия и выглядывавшая из-за ее спины параноя принялись делить друзей, семьи, города и страны, а вскоре и вовсе убивать по месту проживания. Терроризм стал явлением будничным, одни храмы взрывали, другие возводили, и для предотвращения волны мародерства в столицы стягивались гвардии, которые были не в силах остановить распространявшийся животный страх, поскольку сами же его и нагнетали. В довершение ко всему природа по праву отвортилась от человечества и подначивала с заметным злорадством, отказав в своих богатствах, поглощая народ за народом и сотрясая землю доселе невиданными бедствиями, точно в стремлении победить во вселенском конкурсе на оригинальность.

При этом, невзирая на то, что растеряли все ценности и путеводные звезды, мы, как зомби, по инерции продолжали жить дальше. Под вой сирены подогревали в микроволновках полуфабрикаты. В ожидании цунами предпочитали комедии новостям. По пути на работу огибали горящие машины и опасные кварталы. Равнодушно выслушивали начальников. Чертили, чертыхаясь, архитектурные планы казарм и церквей. Иногда выбрасывались в обеденный перерыв из окна.

И лишь когда посреди мерзкой слякоти девушка помахала мне рукой, мое сердце защемило, и я осознал, что совершенно не заметил того момента, как стал совсем не тем, кем хотел. А кем хотел – уже не помнил.

– Значит, это и есть твоя Вманака? – иронично поинтересовалась она.

После ужина в одном вполне пристойном трактире мы целовались у уличного фонаря, и, признаться, меня еще терзали сомнения, не было ли в моих действиях чего-либо предосудительного – с точки зрения устаревшей нынче морали, ведь познакомились мы в ту пору, когда... (погоди, так сколько прошло? неужели десять лет? скорее, семь – семь лет и три зимы). Впрочем, есть ли прошлое? честна ли память? и кто знает, не нарисовался ли этот мир сразу, единым махом, в ту секунду, когда она шагнула мне навстречу из толпы? Не будучи ни в чем уверенным, я воспользовался рассказанной мне в

свое время теорией, смешной сказкой, чтобы обмануться и не оглядываться, надеясь удержать, надеясь выиграть еще один кусочек рая. Уже в сумерках, незадолго до комендантского часа, я привел девушку в свою темную квартиру, которая внезапно показалась чужой, – и, наверно, от лязга ключей в моей руке, от проснувшегося сквозняка по углам зашевелились тени.

– Не надо, не включай свет, – тихо и даже с какой-то печальной усмешкой сказала Маша.

Ведь мы тебя...
чересчур долго...
искали...